

ЯЗЫКОВАЯ СИСТЕМА

LANGUAGE IN SYSTEM

DOI: 10.22363/2618-897X-2024-21-2-185-194

EDN: KLKSYG

Научная статья / Research article

Понимание смысла предложения и текста

Е.Ф. Киров^{ORCID}

Московский городской педагогический университет,
Российская Федерация, 129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4
✉ evg-kirov@mail.ru

Аннотация. Благодаря концепции Г.П. Мельникова проясняется алгоритмика понимания смысла, заданного конкретным дискурсом. В простых случаях понимания в языковом сознании человека группой ментальных актеров-актантов разыгрывается маленькая драма предложения / высказывания, сценарий которой задан предикатом (Сеше — Теньер). Здесь понимание равно видению ситуации (мизансцены) и является начальным этапом. На втором этапе происходит приравнивание увиденного к жизненной метафоре или гештальту (Лакофф и Джонсон). И.А. Мельчук и его Лингво-комбинаторный словарь (созданный совместно с А. Жолковским) составил третью часть теории понимания, четвертой частью которой следует считать концепцию речевых действий Остина и Серля. Все эти лингвистические концепции хорошо согласуются в духе системологии Г.П. Мельникова и образуют в целом теорию понимания.

Ключевые слова: актанты, сирконстанты, метафора, пропозиция, РА, текст, дискурс, системология

История статьи: поступила в редакцию 18.12.2023; принята к печати 19.01.2024

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Киров Е.Ф.* Понимание смысла предложения и текста // Полилингвильность и транскультурные практики. 2024. Т. 21. № 2. С. 185–194. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-2-185-194>

© Киров Е.Ф., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Understanding the Meaning of a Sentence and Text

Evgeny F. Kirov

Moscow City University,

4 2nd Selskohozyaystvenny proezd, Moscow, 129226, Russian Federation

✉ evg-kirov@mail.ru

Abstract. Thanks to the concept of G.P. Melnikov, the technology of text's meaning understanding is clarified. In simple cases of understanding in the linguistic consciousness of a person, a group of mental actors plays out a small drama of a sentence / utterance, the script of which is set by a predicate (Seshe — Tenier). Here, understanding is equal to seeing the situation (mise en scene) and is the initial stage. At the second stage, what is seen is equated with a life metaphor or gestalt (Lakoff and Johnson). I.A. Melchuk and his Linguistic-combinatorial dictionary (created jointly with A. Zholkovsky) made up the third part of the theory of understanding, the fourth part of which should be considered the concept of speech actions by Austin and Searle. All these linguistic concepts agree well in the spirit of G.P. Melnikov's systemology and form a theory of understanding as a whole. The problem of the multiple layers of the text is perfectly visible in the literary texts of Ch. Aimatov, whose 95th Anniversary coincided with a similar anniversary of G.P. Melnikov.

Key words: actants, sirconstants, metaphor, proposition, RA, text, discourse, systemology

Article history: received 18.12. 2023; accepted 19.01.2024

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interest.

For citation: Kirov, E.F. 2024. "Understanding the Meaning of a Sentence and Text." *Polylinguality and Transcultural Practices*, 21 (2), 185–194. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-2-185-194>

Введение

Итак, все началось с оговорки Альбера Сеше в работе «Очерк логической структуры предложения» [1] о том, что предложение — это маленькая драма, которую в нашем сознании разыгрывает группа актеров. Собственно, эта оговорка и породила революцию, приведшую к осознанию того, что такое простое понимание (понимание как видение) в первом приближении. Произошло это, прежде всего, в трудах Л. Теньера, а позже Ч. Филлмора и других авторов (вопрос о количестве и составе актеров дебатировался до сих пор, и последний из существующих набор актантов предложен А. Мустайоки и др. в «Функциональном синтаксисе русского языка» [2]).

Обсуждение

Флаг надвигающейся революции в теории понимания подхватил французский славист Л. Теньер, как уже было сказано, который в «Маленькой русской грамматике» [3], а затем в большой монографии «Основы структурного синтаксиса» [4] все уже сделал явным, создав первый вариант теории пони-

мания, которая сводится к восприятию внутренним взором (видения) игры актеров / акторов в драме предложения / высказывания, названных им актантами и сирконстантами / обстоятельствами, например, в высказываниях типа *Саша пришел только что, Машина новая, Даша идет на экзамен* и т.д.

Дело построения теории понимания было продолжено Дж. Лакоффом и М. Джонсоном [5], которые прояснили древнюю логическую максиму, что понятно только то, что уже является известным, — через построение теории метафоры. Если высказывание *Саша пришел...* констатируется после ссоры с кем-то, например с Машей, то для его правильного понимания необходима уже концептуальная метафора или сложный метафорический гештальт (скорее, метафорический фрейм, по М. Минскому [6]), который гласит: *Любовь — это война...* Тогда это высказывание может быть правильно понято в общем контексте этих речевых действий — как некий поступок Саши, т.е. шаг к примирению).

Сценарий пьесы, равной предложению / высказыванию, задается предикатом, например: *Мой брат играет в теннис. Он в теннисе хорош* (предикат в предложении является не всегда глаголом, но Теньер строит сугубо глаголоцентричный синтаксис, как будто второго из приведенных выше предложений не существует вовсе ни во французском, ни в русском языках).

После разыгрывания своих ролей в текущей онлайн-пьесе предложения / высказывания актеры покидают сцену и занимают исходное положение в готовности сыграть новый сценарий, заданный предикатом уже в новом предложении.

Мы, в отличие от Л. Теньера и вслед за «Русской грамматикой» [7] и русской грамматической традицией, считаем, что основной смысл фразы зависит не от одного глагола, а от связки сказуемого и подлежащего, выраженного именем, т.е. от предиката и субъекта как главных членов предложения в равной мере, например: *Джо написал письмо Мэри* (предикативный центр образуют **предикат** и **субъект**), и понимание РА происходит, если мы правильно определим субъект и предикат речевого акта как действия в коммуникативной интеракции.

Второстепенные актанта (актеры массовки) являются распространителями основного смысла в лемме (т.е. схеме предложения) и в целом играют второстепенную роль, как и сирконстанты высказывания.

Такое предложение / высказывание в случае олицетворения структурно ничем не отличается от варианта с одушевленным субъектом, например, в высказывании: *Капля камень точит* — все происходит подобным образом, как и в предложениях / высказываниях, где выступает Джо: в обоих случаях одушевленный или олицетворенный актер воздействует на объект или на реципиента (если он одушевлен). Также в них использована одна и та же схема поверхностного предложения S-P-O, восходящая еще к Аристотелю.

По мере усвоения языка набираются как в случае освоения родного языка, так и в случае освоения иностранного языка новые схемы предложений в режиме нон-стоп. Как писали Дж. Лакофф и М. Джонсон: «Пожалуй, к наиболее очевидным онтологическим метафорам относятся случаи, когда материальный объект интерпретируется как человек» [5. С. 59].

Л. Теньер же считает актора обычным и зависимым от глагола актантом, равным другим актантам в пропозиции, и в своем вербоцентричном динамичном синтаксисе представляет систему актантов как граф зависимостей, на вершине которой господствует глагол.

Мы повторим еще раз, что центром предложения является связка субъекта и предиката. Тогда принципиальная схема предложения приобретет другой вид: $\frac{(S-P)}{O}$. И именно от этого зависит, насколько верно будет распознан субъект и само действие; это и есть верное понимание речевого действия.

Со времени хомскианской революции в синтаксисе логическую пропозицию стали называть в лингвистике глубинным предложением, противопоставленным поверхностному предложению, что намного понятнее и предполагает то и другое во взаимосвязи [8]. Л. Теньер вплотную подошел к понятию глубинного и поверхностного предложения, которое было разработано Н. Хомским [8] уже после смерти Л. Теньера.

Важным пунктом в теории Л. Теньера является обстоятельство действия как таковое, которое Теньер назвал сирконстантом. Это очень важно для теории понимания, потому что действие всегда сопровождается сирконстантами, даже если они не выражены физически — это значит, что они нулевые. В высказывание как бы имплицитно, по умолчанию, всегда встроены сирконстанты **здесь** и **сейчас**, которые известны в филологии благодаря работам М.М. Бахтина (см. его концепцию хронотопа [9]). Однако учитывая философию И. Канта о тесной связи настоящего с прошлым и будущим, следует расширить число подразумеваемых сирконстантов до 4 элементов, включая элемент **до того** в прошлом — и **потом** в будущем. Но без пространственно-временной рамки сирконстантов **до того**, **здесь и сейчас**, **а потом**, присутствующих хотя бы в нулевой (подразумеваемой) форме, высказывание и предложение невозможны.

Что же структурирует актанты и сирконстанты глубинного предложения в пропозиции? Л. Теньер в своем динамическом синтаксисе использует очень удачную экстраполяцию из физической химии, — понятие **валентности**, которое структурно организует актанты в пропозиции, например, в центре высказывания (по нашей системе счета). В нашей системе счета, когда актер не является простым актантом и не образует простой левой валентности, как у Теньера, а скоординирован вместе с предикатом в центральную связку: *Раскольников убил* (это предикативный центр) *старуху топором не из-за денег* — модель трехвалентна, так как в ней присутствуют, кроме центра:

реципиент **старуху**, инструмент **топором** и сирконстант причины **не из-за денег**. Этот ряд примеров может быть продолжен.

В других типологиях актантов названы еще посессор, экспериенсер, реципиент, источник, инструмент, тема место, нейтрал (см. «Функциональный синтаксис русского языка» А. Мустайоки [2]). Особо интересен в этой конструкции нейтрал, но должен в будущем быть открыт и актант *либеро*, принимающий любую роль в предложении, и актант *ноль*. Тем более что ноль лежит на поверхности, например, ревизор у Гоголя в «Ревизоре» является типичным нулевым актантом.

Ч. Филлмор в своей типологии назвал актанты падежами внутренней структуры предложения (см. статьи «Дело о падеже» [10] и «Дело о падеже начинается вновь» [11]), но это лишь новое название для актантов Л. Теньера.

Важно подчеркнуть, что между актантом пропозиции и поверхностным членом предложения существует понятное семиотическое отношение символизации: субъект глубинного предложения (пропозиции) символизируется подлежащим поверхностного предложения, сказуемое символизирует предикат пропозиции, объект символизируется прямым или косвенным дополнением, признак предмета символизируется согласованным или несогласованным определением. Разного рода обстоятельства (причины, цели, места, времени и т.д.) поверхностного предложения символизируют соответствующие сирконстанты пропозиции [13]. Семиотическое соотношение символизации просто и ясно позволяет понять, как говорящий или пишущий зашифровывает смыслы в высказываниях, а слушающий или читающий их дешифрует методом метафорической синонимизации и кумулятивно соединяет результаты в общую идею текста/дискурса. Символизация как лингвосемиотический процесс пронизывает всю лингвистику от фонологии до лингвистики текста и внешне похожа на концепцию актуализации Ш. Балли, которую мы понимаем как часть теории символизации. Ш. Балли пишет, что «для того, чтобы понятие могло стать членом предложения, его нужно актуализировать». Там же Ш. Балли продолжает, что «функция актуализации заключается в переводе языка в речь, в соотношении слов и выражений с реальными представлениями говорящего с действительностью. Актуализировать понятие – значит отождествить его с реальным представлением говорящего субъекта. Так как понятие само по себе является чистым порождением ума, оно виртуально; оно выражает представление какого-нибудь одного рода (вещь, процесс или качество)» [12. С. 87]. Ш. Балли полагает, что актуализация происходит с помощью «актуализаторов», которыми во французском языке являются окончания и служебные слова. Мы считаем, что символизация происходит по законам семиотики и требует, чтобы она выражалась материальными или нулевыми средствами. Таким образом, дискурс — это актуализированный текст (Ш. Балли — Н.Д. Арутюнова), т.е. текст — это дискурс до актуализации, до

включения его в жизнь. В предельных случаях формально текст при предварительной подготовке может совпадать с дискурсом, но никогда не совпадает с ним по существу: ему не хватает жизненного и интенционального действия с результатом этого действия, реакции на него (перлокуцией, по словам Дж. Остина).

Эта система метафор и составляет трудность перевода и суть того круга языка, о котором говорил В. фон Гумбольдт [14]. В языках активного и эргативного строя своя труппа актеров, но в пересказе всегда можно выразить мысль на любом языке. Трудность в изучении каждого неродного языка зависит от степени сложности метафорической системы и технологии ее символизации через актанты и сирконстанты пропозиции в глубинном предложении, а также символизации этих элементов членами поверхностного предложения — главными и второстепенными членами его. В этом состоит вся суть понимания как такового.

Теория речевых актов (ТРА), созданная Дж. Сёрлом и Дж. Остином, придает синтезу упомянутых теорий законченный вид и гласит, что первичным составным элементом дискурса является речевой акт (РА) как речевое действие, имеющее результат, т.е. перлокутивный эффект. Катарсис тоже относится к перлокутивным эффектам, но только по отношению к художественному дискурсу. РА, как известно, является речевым действием, при помощи которого мы добиваемся практических перлокутивных эффектов, используя в жизни чаще нехудожественные дискурсы. В этом смысле предложение РА ничем не отличается от других действий человека, и на время его практического использования совокупность РА является дискурсом, будучи включенной в жизнь.

Текст — это потенциальный дискурс. Дискурс — это совокупность РА, т.е. РА — это составляющая часть дискурса, соответственно, СФЕ — это составляющая часть текста. Так все составляющие и основные единицы языка и речи получают соотношение друг с другом: РА соответствует высказыванию, а СФЕ соответствует целому из РА, у которого еще нет лингвистического термина.

Встает в связи с проблемой понимания во весь рост проблема сочетания слов и вещей (как в XIX в.). В целом традиция создания реальных словарей была сильна в нашей «словаретворческой» традиции, однако не было в русской лексикографии никогда словаря, который бы отражал реальную сочетаемость слов вслед за сочетаемостью вещей в реальном мире — комбинаторного словаря. Итак, первый словарь на русском языке, который учитывал реальную ситуацию, навеянную реальным положением дел в мире, был создан в Торонто и Вене, позже был издан в 1984 г. В Вене в славистическом альманахе — это толково-комбинаторный словарь (ТКС) И. Мельчука и А. Жолковского как составная часть теории «Смысл \Leftrightarrow текст» И.А. Мельчука.

Этот словарь важен и отдельно, как русский ТКС, и представляет важнейшее достижение сам по себе. Этот ТКС еще дорабатывался в Москве группой исследователей, которыми негласно руководил не занимавший никаких должностей академик Ю.Д. Апресян, и в 2016 г. в издательстве ЯСК увидел свет новый русский ТКС, расширенный и доработанный [15]. Таким образом, РФ превратилась в страну со своим ТКС и НКРЯ, где зеленые *бесцветные идеи (третья фраза в филологии — первая насчет «казнить» и вторая — «куздра» Л.В. Щербы)*, даже в переносе, спать не могут. Все дело в несочетаемости этих лексем, следующей из несочетаемости реальных вещей в мире, когда глагол *спать* из практики требует сочетания только с одушевленным живым существом: человеком, ребенком или животным, а также при олицетворении неживым объектом внешне подобной природы (в чем-то похожи, например, *лес* и *человек*). Нормально спать может в переносе *туман*, *озеро*, *пруд* и т. д., так как они могут быть олицетворены, но никак не может олицетворяться и спать прямо понятая абстрактная лексема «идея», если это не кличка собаки или лошади.

Заключение

Итак, *понимание* — это *схватывание* известной метафоры (Лакофф и Джонсон) на основе предзнания ее смысла, именно в этом смысле понять возможно только то, что уже известно (Сократические беседы). В этом смысле накопление метафор является перманентным процессом и характеризуется известной фразой «Век живи — век учись».

Итак, на первом этапе понимание простых случаев поясняется метафорой *понимать — значит видеть*, что согласуется с динамическим синтаксисом Л. Теньера. На втором и более сложном этапе понимание означает и схватывание переноса смысла (Лакофф и Джонсон). Схватить можно то, что видишь, и понять, — только то, что уже знаешь. Из вышесказанного следует, что всю методику перевода и РКИ следует выстраивать в соответствии с вышеупомянутыми элементами понимания и работать над ними.

1. Исходный пункт — смысловое задание, т. е. мысль-интенция, которую человек хочет выразить в РА, представленная чаще как очень сокращенная **внутренняя речь** (см. [16]). Выстраивание пропозиции из понятных только самому себе элементов на внутренней речи, которым может оказаться отдельный образ или элемент высказывания, приводит к развертыванию фразы по схеме предложения.

2. Методика формирования глубинного предложения (полной пропозиции) на основе развертывания компонентов будущего высказывания, понятного и слушающим, и самому говорящему благодаря жизненным метафорам, которые составляют общий для говорящего и слушающего общий фонд (в логике это общий фонд presupпозиций).

3. Символизация актантов пропозиции членами поверхностного предложения, принятыми в данном языке, по схеме предложения.

4. Определение валентности по технологии реальных ассоциаций из жизни на основании комбинаторных ассоциаций, — здесь сразу отбраковываются фразы типа «зеленые бесцветные идеи яростно спят» в силу некомбинируемости и несочетаемости актантов как бессмысленные из опыта, хотя и правильные грамматически. Значительную помощь при этом может оказать «Русский ассоциативный словарь» [17].

5. Методика построения поверхностного **простого** предложения по принятой в данном языке схеме простого русского предложения.

6. Методика формирования **сложного** предложения из простых субпредложений по схеме сложного предложения: сочинение и подчинение. Бессоюзие — это сложные нулевые конструкции, равные по грамматическому значению обычным сложносочиненным и сложноподчиненным предложениям, в них есть грамматическая семантика, но нет союза или СС, поэтому целесообразно их считать обычными сложными предложениями с нулевым показателем грамматической семантики [18].

7. Систематика метафор, фреймов и метафорических концептов изучаемого языка и культуры, которые набираются постоянно. Системные блоки метафор языка, доступных для обобщения и комплектования в более сложные метафорические конструкции, изучаются всю жизнь.

8. Опознавание метафор в поверхностном предложении по принципу многосмысленности предложения.

9. Методика понимания содержания предложения через уже известную метафору, метафорический концепт или фрейм: приравнивание к метафорике языка.

10. Кумуляция смыслов высказываний и понимание идеи дискурса/текста в итоге как соединение метафор. Адекватная реакция на речевое действие.

11. Перманентное формирование и расширение метафорики изучаемого языка с особым акцентом на переносный смысл. Говорящий также символизирует информацию, переводя свою внутреннюю речь во внешнюю, исходя из уже известной метафоры.

Таким образом, понимание — это всегда творчество двух субъектов, говорящего и слушающего, а схватывание — это творческий акт, приравнивание увиденной в ментальном театре ситуации к уже известной метафоре.

Суть системологии Г.П. Мельникова заключается в системном подходе к явлениям языка и культуры, приводящим к определению детерминанты языка, которая по отношению к русскому языку заключается в событийности изображаемого речевым действием. По-русски можно сказать «Аптека находится на углу», и перед нами встает целая картина изображаемого события: кто-то болеет или болеет кто-то из родственников, и человек ищет и находит

аптеку, покупает в ней лекарства... спешит. Такого нет в высказывании *The pharmacy is on the corner*. В изобразительности, художественности заключается детерминантное отличие русского языка от западноевропейских языков [19].

Именно так понимаются художественные тексты Чингиза Айтматова, доверху нагруженные двойным и тройным смыслом, трудные для схватывания метафорами, но неизменно приводящие читателя к катарсису как итогу художественной коммуникативной трансакции.

Список литературы

1. *Сеше А.* Очерк логической структуры предложения. М.: УРСС, 2003.
2. *Мустайоки А., Сабитова З.К., Парменова Т.В., Бирюлин Л.А.* Функциональный синтаксис русского языка / под ред. А. Мустайоки. М.: Юрайт, 2019.
3. *Tesniere L.* Petite grammaire russe (Маленькая русская грамматика). Paris: Henri Didier, 1934.
4. *Теньер Л.* Основы структурного синтаксиса. М.: Прогресс, 1988.
5. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004.
6. *Минский М.* Фреймы для представления знаний / под ред. Ф.М. Кулакова. М.: Энергия, 1979.
7. Русская грамматика. Т. 2. Синтаксис / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980.
8. *Хомский Н.* Избранное / под ред. Энтони Арноува. М.: Энциклопедия-ру, 2016.
9. *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975.
10. *Филлмор Ч.* Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике / под ред. В.А. Звегинцева. М.: Прогресс, 1981. С. 369–495.
11. *Филлмор Ч.* Дело о падеже начинается вновь. Новое в зарубежной лингвистике / под ред. В.А. Звегинцева. М.: Прогресс, 1981. С. 496 – 530.
12. *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: URSS, 2001.
13. *Киров Е.Ф.* Текст и дискурс в семиотическом соотношении // Вестник Волгоградского гос. университета. Серия 2. Языкознание. Т. 17. № 2. 2018. С. 15–25. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.2.2>
14. *Гумбольдт фон В.* О языке кави на о. Ява // Избр. тр. по языкознанию / под ред. Г.В. Рамишвили. М.: Прогресс, 1984. С. 221–226.
15. *Мельчук Ю.А., Жолковский А.К.* Толково-комбинаторный словарь. М.: Изд-во ЯСК, 2016.
16. *Выготский Л.С.* Мышление и речь. М.: Лабиринт, 2007.
17. *Караулов Ю.Н.* Русский ассоциативный словарь. М.: Институт русского языка Российской академии наук, 1996.
18. *Киров Е.Ф.* Нулевые единицы в русском предложении // Активные процессы в современной грамматике: материалы межд. конф. М.: Изд-во МПГУ, 2008. С. 88–92.
19. *Мельников Г.П.* Системная типология языков: принципы, методы, модели / РАН. Ин-т языкознания. М.: Наука, 2003.

References

1. Seshe, A. 2003. Essay on logical structure proposition. Moscow: USSR publ. Print. (In Russ.)
2. Mustayoki, A., Sabitova, Z.K., Parmenova, T.V., and L.A. Biryulin. 2019. "Functional syntax of the Russian language." Edited by A. Mustayoki. Moscow: Yuright publ. Print. (In Russ.)

3. Tenier, L. 1934. *Little Russian Grammar*. Paris: Henri Didier publ. Print. (In Russ.)
4. Tenier, L. 1988. *Basic structural syntax*. Moscow: Progress publ. Print. (In Russ.)
5. Lakoff, J., and M. Johnson. 2004. *A metaphor I live by*. Moscow: USSR publ. Print. (In Russ.)
6. Minsky, M. 1979. *Frames for the presentation of knowledge*. Edited by F.M. Kulakova. Moscow: Energy publ. Print. (In Russ.)
7. *Russian grammar*. Vol. 2. *Syntax*. Moscow: Science publ. Print. (In Russ.)
8. Chomsky, N. 2016. *Selected*. Moscow: Encyclopedia-ru publ. Print. (In Russ.)
9. Bakhtin, M.M. 1975. *The question of literature and aesthetics: studies of different years*. Moscow: Fiction publ. Print. (In Russ.)
10. Fillmore, Ch. 1981. “Case on case.” In *New in foreign linguistics*. Edited by V.A. Zvegintseva. Moscow: Progress publ., pp. 369–495. Print. (In Russ.)
11. Fillmore, Ch. 1981. “Case on case begins again.” In *New in foreign linguistics*. Edited by V.A. Zvegintseva. Moscow: Progress publ., pp. 496–530. Print. (In Russ.)
12. Bally, Sh. 2001. *General linguistics and questions of the French language*. Moscow: USSR publ. Print. (In Russ.)
13. Kirov, E.F. 2018. “Text and discourse in a semiotic relationship.” *Vestnik Volgogradskogo gos. Universita. Series 2. Criminology*, vol. 17, no. 2, pp. 15–25. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.2.2>
14. Humboldt, von W. 1984. *On Java Island Cavy language*. Moscow: Progress publ., pp. 221–226. Print. (In Russ.)
15. Melchuk, Yu.A., and A.K. Zholkovsky. 2016. *Interpretive-combinational Dictionary*. Moscow: YASK publ. Print. (In Russ.)
16. Vygotsky, L.S. 2007. *Thought and speech*. Moscow: Labyrinth publ. Print. (In Russ.)
17. Karaulov, Y.N. 1996. *Russian associative Dictionary*. Moscow: Institute of the Russian language of the Russian Academy of Sciences publ. Print. (In Russ.)
18. Kirov, E.F. 2008. “Zero units in the Russian sentence.” In *Active processes in modern grammar*. Moscow: MPGU publ., pp. 88–92. Print. (In Russ.)
19. Melnikov, G.P. 2003. *Systemic typology of languages: principle, method, model*. RAS Institute of Linguistics. Moscow: Nauka publ. Print. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Киров Евгений Фролович — доктор филологических наук, профессор, профессор департамента филологии, Институт гуманитарных наук, МГПУ. E-mail: evg-kirov@mail.ru; ORCID: 0000-0002-9836-5619; eLibrary SPIN-код: 3323-1648

Bio note:

Evgeny F. Kirov is a Doctor of Sciences (In Philology), Professor, Professor of the Philology, Department of Human Institute, Moscow City University. E-mail: evg-kirov@mail.ru; ORCID: 0000-0002-9836-5619; eLibrary SPIN-code: 33231648